

Шалейкин Федор Федорович

17/IV 88

МОСГОРСПРАВКА

103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

ПРАВДА

17 АПР 1988

г. Москва

● По приглашению «Родины» (Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом) в Москве несколько дней гостил сын прославленного русского певца Федор Федорович Шаляпин. Из Рима до нашей столицы он добирался на поезде трое суток (дорога для 82-летнего человека, согласитесь, нелегкая) и все же принял вашего корреспондента сразу по прибытии в гостиницу.

— Я ПРИЕХАЛ рассказать и показать, где, что и как стояло, лежало и висело в нашем особняке и флигеле, где в первых числах июня намечается открыть музей моего отца, — слышу хорошо поставленный голос актера. — Да и с собой привез несколько ящиков кое-какой домашней утвари.

— Вы родились в этом особняке?

— Нет. Вместе с братом Борисом мы появились на свет в Зачатьевском переулке, что в районе Остоженки. Мне приятно было узнать, что дом тот, как памятник, взят под охрану государством. Я знаю, что он был очень дорог отцу: там наконец-то у него родились мальчики. А то были все девочки...

— А сколько всего было у вас сестер и братьев?

— Я буду говорить о законных, потому что у отца были еще три внебрачные дочери. Итак, первая и последняя жена Федора Ивановича, а моя мама, — итальянская балерина Иолла Игнатьевна, которую Сергей Рахманинов называл Флочкой, — родила шестерых. Первый ребенок, Игорь, умер в возрасте пяти лет. Потом пошли Ирина, Лидия... В 1904 году, к неописуемому восторгу отца, родился Борис, а на следующий год — я с Таней, близнецы. Еще несколько лет мы жили в наемных домах и только в 1910 году обрели свой угол — купили городскую усадьбу на нынешней улице Чайковского. Там я прожил до 18-летнего возраста, до 1923 года...

— ...и затем навсегда покинули Россию.

— Да. Трудное это было время. Голод!

Отец выехал в Париж со своим «незаконным» семейством годом раньше, а потом и я, Борис и Ирина вместе с мамой отправились к нему. То был для меня очень тяжелый период. Понимаете, когда ты молод, у тебя очень сильно развито чувство патриотизма. Что бы ни происходило в твоей стране, тянет туда страшно. Разлучившись с Россией, я целый год не находил места. Только через год стал приходить в себя и вскоре уехал в Голливуд.

— Почему в Голливуд? Вы захотели стать киноактером?

— Актером я задумал стать еще в детстве. Знаете, это такая семейная зараза.

Начал статистом и на первой же съемке сломал нос. Мы, помню, куда-то скакали на лошадках, и вдруг все посыпалось с какого-то откоса. Я стукнулся носом о голову лошади, а она в свою очередь тоже сломала нос обо что-то. Лошади-то ковбойские. Вот

так неуклюже началась моя карьера киноактера.

— Крупные роли выпадали в первые годы на вашу долю?

— Одну помню, роль офицера в «Анне Карениной».

— Сколько же вы пробыли в Голливуде?

— Слишком долго. Правда, в первый раз меня скоро выгнали из Штатов: не было визы. Куда деваться? На счастье, меня пригласил кинорежиссер Туржанский. Некоторое время я снимался в Германии. Потом оформил визу и снова махнул в Голливуд. Но

— С Горьким, Коровиным, Серовым... Очень любил Рахманинова.

— А как вы восприняли весть о начале войны, где жили тогда?

— Там же, в Голливуде. Сообщение о нападении Гитлера на Россию страшно потрясло меня. День и ночь мы, актеры, ловили каждую весть с Восточного фронта и до хрипоты спорили о шансах обеих сторон. Я был всегда уверен, что в конечном счете Россия выстоит и победит.

— Когда вы кончили скитаться по свету, осели?

— В 1959 году я купил квартиру в Риме, но это вовсе не значило, что я «осел», заперся в четырех стенах. Я продолжал и продолжаю сниматься в итальянском кино. Где только не побывал со съемочными группами! В Алжире, Марокко, Египте...

— О трудностях работы с ним рассказывал Марчелло Мastroяни...

— О «трудностях»? Да это сплошной кошмар! Он смотрит на актеров, как архитектор на кирпичи. Он требует от статистов, которых берет с улицы, чтобы они играли, как профессионалы, а профессионалов ставит статистами. Но он такой милый, очаровательный, что позволяешь ему делать с собой что угодно.

Или вот еще. «Будешь играть Юлия Цезаря», — слышу от Феллини. Надевает мне парик с огромной копной волос. Тут уж я разозлился: «Разве вы не знаете, что Цезарь был лысый?!» Не отвечая, он прилагивает мне ржавый железный венец: «Не беспокойся, все равно он свалится, когда тебя убивать будут». Я спрашиваю, где же Брут. А вот, говорит, и подводит ко мне дряхлого старикашку. Я чуть в обморок не упал: «Ведь Брут — незаконный сын Цезаря, и ему было всего 20 лет, когда он сделал его сенатором?!» Феллини немного помолчал, а затем изрек: «Ну знаешь, это не доказано, что Брут был его сыном».

— Федор Федорович, как считаете, вы хороший актер?

— Стараюсь быть таковым.

— В скольких фильмах вы снимались?

— Никогда не считал.

— Вы продолжаете работать в кино?

— Только что мне предложили роль известного художника Ренуара в одноименном фильме. Судя по фотографии, я, оказывается, здорово похож на него. Но контракт пока не подписал. Меня останавливает то, что играть надо по-итальянски. Я же предпочитаю английский язык.

— Хотелось бы вам сыграть в советском фильме?

— Смотря какую роль... К тому же я никогда не играл по-русски.

— Значит, следующий вопрос отпадает сам собой...

— Спрашивайте, посмотрим.

— Вас не тянет в Россию навсегда?

— Видите ли, с годами чувства притупляются. И для меня сейчас все равно где жить: в Риме, Москве, Нью-Йорке... Ведь я жил всюду, и душа моя стала интернациональной. Мой дом — весь мир.

— Что ж, вольному — воля. Тогда последний вопрос: надо полагать, вы в курсе событий, происходящих в нашей стране: перестройка, гласность, демократизация?

— А как же! И от души приветствую это. Замечательно! Я внимательно слежу за всем происходящим в России. Возлагаю большие надежды на Горбачева. Он получил тяжелейшее наследство и понимает, что так продолжаться не может. Ему надо помогать, не ставить палки в колеса. То, что он делает, заслуживает поддержки. Вот сейчас он договаривается с Рейганом о разоружении. Чудесно!

С. БОРИСОВ.

РАЗГОВОР
С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Шаляпин,
сын
Шаляпина

в кино пришел звук. Я растерялся, не знал, что делать, но все быстро уладилось. Нужны были и «акцентные» актеры. Но потом новый удар: пришло телевидение.

— По времени, видимо, мы приблизились с вами к тому моменту, когда скончался ваш отец?

— К сожалению, тогда, в 1938 году, я был в Калифорнии, добирался десять суток до Парижа — опоздал...

— Расскажите, пожалуйста, о Федоре Ивановиче... Каким он был в жизни, в семье?

— Отец был человеком покладистым, когда находился в хорошем настроении. Но легко выходил из себя, был вспыльчив. Буквально взрывался, если слышал глупость. К примеру, если я говорил с ним и чего-то не понимал, он сердился ужасно. Но в сущности человек он был добрый и всегда готовый прийти на помощь любому. Знаю, ходили слухи, якобы отец был скупым, любил деньги... Скупым он не был. Просто у него часто просили займы, и он нередко отказывал.

Что еще рассказать об отце? Насколько он был ловок в своей профессии, настолько неуклюж, неумел в быту. Так и не смог научиться управлять своим автомобилем. Но плавал, помню, как бог. Целыми часами пропадал в море.

— С кем особенно был дружен Федор Иванович?

— С вами больше ничего не приключалось на съемках после голливудского дебюта?

— Ну как же, всякое бывало! К примеру, в фильме «Именем Розы», который, говорят, советские кинематографисты закупили, на меня свалились горящие балки. В этой картине, повествующей о средневековье, я играю роль монаха-злодея, который всех отравляет. Сволочь страшная! Так вот, по ходу фильма я бросаю в огонь книгу Аристотеля, высказываю из комнаты, и тогда должны обвалиться горящие стропила. Получилось же так, что эти балки сбросили на меня, когда я еще не покинул помещения. Одно из бревен трахнуло меня по голове. Искры в глазах, кровь... Но ничего, здесь же рану зашили.

— Большую часть жизни вы снимались в Америке и Италии. Как вы оцениваете эти две кинематографические школы?

— В технике американцы выше всех на голову. Пусть это будет самый дурацкий фильм, штамп из штампов, но технически он всегда выполнен чудно. Как актеры, американцы, на мой взгляд, звезд с неба не хватают. Но у них много актеров-англичан, а эти знают свое дело.

Итальянцы же в технике просто дилетанты, но актеры прирожденные. Я снимался у многих режиссеров, но меня всегда поражал Феллини.